

А. В. Прокофьев

(аспирант Московского государственного университета)
Научный руководитель
д. и. н. В. А. Федоров

Anton V. Prokofiev

Стремительное развитие современного русского протестантизма во многом проистекает из молокан и духоборцев. Именно эти первые русские протестанты заложили основу “протестантской революции”, происходящей в наши дни. Из молоканских выходцев формировались первые баптистские общины, развитие молокан и духоборцев весьма схоже с развитием западного протестантизма — от классических средневековых сект к демократически организованным религиозным общностям. Необходимо также и подчеркнуть вклад молокан и духоборцев в развитие современной русской духовности. То, что эволюция вероучения и организации молокан и духоборцев продолжается и по сей день представляет собой значительный научный интерес. Практически с самого начала духоборцы и молокане жили в изоляции от основной массы населения, осознавали свою исключительность, но сейчас они оказались в условиях современных реалий, к которым были абсолютно не готовы, традиционный уклад их жизни оказался серьезно нарушенным. Численность стремительно сокращается, молодежь на молитвенные собрания практически не ходит, традиционный уклад жизни и часть вероучения забывается. Необходимо четко представлять причины кризиса, в котором оказались старейшие русские протестанты. Понимание процессов, происходящих с традиционными русскими рационалистическими вероисповеданиями проливает свет на закономерности развития протестантизма в России в целом, ведь ошибки, допущенные лидерами молокан и ду-

МОЛОКАНЕ И ДУХОБОРЦЫ СЕГОДНЯ

Copyright © 1999, А. В. Прокофьев

Основой данного исследования являются не традиционные документальные источники, прежде всего, материалы полевых исследований культуры и вероучения духоборцев и молокан. Именно эти первые русские протестанты заложили основу “протестантской революции”, происходящей в наши дни ■

“Molokans” and “duhobortzy” today

The article is devoted to such remarkable trends of Russian Protestantism as “molokane” and “duhobortzy”. It's these first Russians Protestants who was at the sources of the “Protestant revolution” of our days. The article is based mainly on such untraditional source as the interviews with the adherents of both these trends including the respectable and influential authorities ■

хоборцев в последнее время наглядно показывают главные проблемы и задачи, стоящие перед основными протестантскими деноминациями современной России.

Основой данного исследования являются не традиционные документальные источники, а, прежде всего, материалы полевых исследований культуры и вероучения духоборцев и молокан, главным образом, интервью с молоканскими пресвитерами и людьми, авторитетными в духоборческой среде. Поэтому большинство выводов сделано на основе духоборческих и молоканских преданий о собственном происхождении и истории. При этом необходимо принять во внимание такой недостаток основного письменного источника по данной теме — сыскных дел — как изначальное отсутствие деления протестантов по направлениям, что невольно затрудняет работу с ними и может привести к ошибочным выводам.

Традиции русского протестантизма зарождались задолго до появления первых западных вероучений на русской почве. Первые достоверно известные нам ростки собственно русского протестантизма появились еще при Иване III, в качестве ереси жидовствующих, столь популярной среди тогдашней высшей бюрократии¹. Но это направление из-за своей элитарности развития и поддержки в народе не получило и было подавлено Православной Церковью, так и оставшись одним из небольших фрагментов русской истории.

Рождение собственно русского протестантизма

можно отнести к XVII в. Именно появление в это время первой “протопротестантской общности” заложило основы развития русского протестантизма. Пути его появления в какой-то мере аналогичны западному протестантизму — в тот момент, когда назревает необходимость церковных реформ, тогда появляются и первые сомневающиеся. Но главное различие по сравнению с западной и старой русской традицией было в социальном составе — ядром становления Реформации были университетские интеллектуалы, жидовствующих — высшая бюрократия, бояре, часть иерархии. Русские молокане и духоборцы состояли из крестьян и мелкого служилого люда². Параллельна западному протестантизму лишь история возникновения “протопротестантской общности” — она возникла одновременно с реформами обрядности Русской Православной Церкви, проведенными патриархом Никоном в 40-х гг. XVII в.

Среди отечественных исследователей принято считать, что движение молокан и духоборцев возникло в результате проповеди польских социан-антитринитариев, имевшей якобы бурный успех среди русского крестьянства, в качестве прародины первых русских протестантов упоминается Слободская Украина³. Естественно, наличие проповеди социан и возможность возникновения социанских общин на юге отрицать сложно, но сами молокане и духоборцы своей родиной единодушно признают Тамбовскую область, отвергая стороннее влияние на возникновение своего вероучения, с чем сложно не согласиться, но также сложно и подтвердить.

Предпосылкой возникновения Российского протестантизма стали реформы патриарха Никона, заронившие сомнение в истинности вероучения Православной Церкви среди русского крестьянства и мелкого служилого люда. Сама мысль о реформах не могла не зародить сомнения в сердцах, особенно если учитывать характер русской религиозности XVII в., отводившей столь значительную роль формальным проявлениям веры⁴. Сомнение в истинности формы не могло не вызвать сомнения в истинности всего вероучения. Можно предположить, что само рождение протестантизма обязано формалистичному характеру средневековой религиозности, отсюда и абсолютный авторитет Библии, протестный характер вероисповедания. Эти закономерности зарождения протестантских общностей абсолютно применимы для российских реалий, правда, при сохранении собственной специфики, выражавшейся в отсутствии интеллектуалов во главе движения. По преданиям молокан и духоборцев первые общины возникли именно в это время. Необходимо сразу же отделить новое религиозное движение от старообрядчества, ибо, несмотря на одновременность возникновения, задачи и вероучение были совершенно различны. Если старообрядцы ратовали за старые установления, то протопротестанты отрицали все церковное вероучение и стремились возродить “истинное христианство”. Своими предшественниками они сейчас считают практически все средневековые ереси — от богомилов до жидовствующих.

Интеллектуалы от духовенства возглавили ста-

рообрядчество, которое на первых порах его развития никак нельзя назвать разновидностью русского протестантизма. И не случайно новое аутентичное протестантское вероучение зародилось на одной из окраин России, по всей вероятности причиной тому стала бывшая там атмосфера относительной свободы. Ядром движения, по всей вероятности, стали в равных пропорциях и крестьяне, и мелкие служилые — казаки, стрельцы и т.д., привнесшие специфику ментальности своих сословий в вероучение⁵. Прежде всего, это “простецкий” характер вероучения, доступный пониманию крестьян, стремление к упрощению или нивелированию догматов, роль личности в диалоге с Богом, привнесенное казаками большое место личной свободы человека в этом диалоге, изначальная сакрализация социально-бытовых установок, отсутствие богословских конструкций, наличие лидера, более схожего с атаманом, чем с лидером религиозной группы.

Можно примерно реконструировать вероучение этой протопротестантской общности. В его основе до сих пор лежит полемика с Православной Церковью, отрицание священства, Таинств, иконопочитания, Предания, характерные для всех протестантов. Направленность эта сохранилась и до сих пор, при этом все непринимаемые церковные установления оправдываются исключительно мирскими мотивами. Так, наличие священства объясняется стремлением клира лучше кушать, отсюда и иконы, и требы⁶. Главным и абсолютным авторитетом для них была Библия, понимаемая формально и крайне буквально, что породило запрет на употребление в пищу свинины, до сих пор сохранившийся у молокан. При этом сохранялась направленность на “духовное” понимание Библии — при сохранении буквального толкования, молокане и духоборцы считали главным для себя личный диалог с Богом, придавая не столь определяющее значение молитвенным собраниям, что послужило в будущем одной из причин их раскола.

Для первой общности было характерно наличие своего харизматического лидера, обладавшего даром толкования Библии, особо отмеченного Богом. Лидер назывался “Христом”, как образ и подобие Божие, отмеченный особой Его благодатью. Этот лидер, по всей видимости, имел привилегии классического лидера средневековой секты — от двorca до гарема, был непререкаемым вероучительным авторитетом секты. Традицию вожизма до сих пор сохраняет часть духоборцев, а вероучительную авторитетность учителей сохранили молокане. Изначально, считая себя истинными христианами, молокане и духоборцы осознавали свою религиозную обособленность, и поэтому не считали себя русскими.

Практически сразу по их появлении, на них начались гонения, что вынудило их законспирироваться, то есть, исповедуя свою веру, проводя свои тайные собрания, молокане и духоборцы тем не менее периодически причащались в православных храмах, хоронили своих усопших по православным обычаям⁷. Поэтому гонения на них носили, по всей видимости, эпизодический характер, что отразилось

в их легендах, в которых главным гонителями выступают как правило приходские священники и нижние полицейские чины. На данный момент один из излюбленных рассказов духоборцев и молокан о своей истории — рассказ о заточении некоторых из них в срубы, который со временем приобрел множество сопутствующих заточению чудес⁸. Гонения на первых молокан и духоборцев совпали с гонениями на других религиозных диссидентов, что создало путаницу в следственных делах и, видимо, дало современным исследователям почву для создания гипотезы о западном происхождении молокан и духоборцев⁹.

Однако если судить по специфике их вероучения, они возникли исключительно автономно и на почве русской ментальности, что выразилось в упрощенном толковании Библии, почтении к написанному и своеобразной форме лидерства, сочетавшей в себе и абсолютную власть и руководство социальным служением, что выразилось в том, что вожди практически изначально жили в так называемом “Сиротском доме”. До русских протестантов на молокан и духоборцев Сиротский Дом был общий и располагался в с. Горелое Тамбовской области. Сиротский Дом был центром религиозной жизни протопротестантской общности — там жил вождь — “кормилец”, “муж мудрый” — призревались обиженные и убогие и хранились запасы продовольствия. Система общественного призрения была одним из тех факторов, которыми молокане и духоборцы до сих пор отделяют себя от православных, по словам современных молокан, а в особенности духоборцев “ни одна сирота не останется без приюта и куска хлеба”. В Сиротском Доме проводились молитвенные собрания, на которых, по всей видимости, читалась Библия, пелись псалмы собственного сочинения и распева, скомпилированные из многих источников — от Псалтири до творения православного богослова Св. Дмитрия Ростовского¹⁰.

Сложно говорить о названии первой общины, учитывая их законспирированность, первые определения появились только во 2-й пол. XVIII в. — “молокане” и “духоборцы”, да и то были даны им православными. Первое — за употребление молока в православные постные дни, а второе — дал екатеринославский архиепископ Амвросий в 1785 г., так они не так почитали Св. Троицу и Св. Духа¹¹.

Духоборцы и молокане сохраняли свое единство до 3-й четверти XVIII-го века, когда между двумя группами, названными позже духоборцами и молоканами. Лидер духоборцев Илларион Побирохин и лидер молокан Семен Уклеин поспорили о роли Библии в вероучении. Духоборческий лидер назвал Библию “хлопотницей”, т. е. написанной людьми и не имеющий определяющего значения для вероучения, а молокане защищали значение Библии. По всей видимости, раскол зрел уже давно и разделение на традиционалистов и радикалов было давно неизбежно и дискуссии вместе с “разделом имущества” продолжались не одно десятилетие.

Фактически протопротестантская общность разделилась на приверженцев устоявшейся веры, с культом Библии, авторитетом стариков, и на более

радикальных верующих, выступавших за познание Бога путем личного общения, минуя авторитет и Библии, и старейшин, но с авторитетным вождем. Эту тенденцию на дробление на своеобразных харизматов и традиционалистов молокане и духоборцы сохранили на протяжении всей своей истории.

В середине XIX века молокане раскололись на два течения — постоянных молокан — последователей Семена Уклеина — и прыгунов-максимистов — последователей выходца из хлыстов Максима Рудометкина. Максимисты во многом похожи на современных харизматов — ждуг нисхождения Св. Духа на молитвенных собраниях, для чего поют ритмичные псалмы и усиленно прыгают, за что и получили свое название. Позднее максимисты без шума и скандалов эмигрировали в США.

Духоборцы, в свою очередь, раскололись из-за культа вождя, когда одна часть духоборцев стремилась сохранить привычный уклад жизни и веры, но уже без “Христа”, навязывавшего свою волю и теми радикалами, для которых наличие вождя было необходимым условием религиозной жизни. Катализатором раскола среди духоборцев стала смерть последней главы духоборцев, последней представительницы “правлящей” Капустинско-Калмыковской династии, Лукерьи Калмыковой в 1886 г. Часть духоборцев избрала себе нового вождя — П. Веригина, решившего реформировать вероучение, а другая выступила за сохранение прежних устоев, но уже без лидера по причине “отсутствия подходящего человека”. Духоборческие радикалы практически сразу вошли в конфликт с правительством, отказавшись от службы в армии и ритуально уничтожив свое оружие. Последовали жесткие, но безрезультатные репрессии и этой части духоборцев разрешили эмигрировать в Канаду, где произошел еще ряд расколов, начался религиозный терроризм, но в конце концов ситуация стабилизировалась и канадским духоборцам в общем и целом удалось вернуться к той организации, которая была характерна для духоборцев до 1886 г.

Идеология молокан и духоборцев при многих общих чертах — отрицании всех таинств, в том числе Крещения, непочитании Креста, отсутствие платы за служение и пение на молитвенных собраниях, отсутствия самого понятия “богослужение”, различается прежде всего самой сутью вероучения. Возможно, во многом это объясняется изначальным социальным составом. Крестьянам-молоканам и не нужна богословская концепция. Их вполне устраивает следование буквальное библейским установлениям, слепое почитание Библии, разделение на автономные общины. Главным признаком святости для молоканина считалось именно знание Св. Писания. Как и духоборцы, молокане считали, что нет нужды в обряде Крещения, но, следуя Библии, молокане говорили о крещении духом Святым. Духоборцы же утверждают, что крещение — вся жизнь человека. Изначально и молокане и духоборцы утверждали истинность только своего пути к спасению, сейчас же и те, и другие признают приоритет личной воли человека вне зависимости от вероисповедания. Молокане большие коллективисты в

вере, чем духоборцы, хоть и не говорят о коллективном спасении. Для молокан значительную роль играют совместные моления (по текстам, взятым строго из Библии) и толкование Св. Писания пресвитерами.

К духоборцам, по всей видимости, ушла интеллектуальная элита протопротестантской общности — так или иначе образованные служилые люди. Отсюда и наличие более или менее выраженной богословской концепции. Если молокане крайне уклончиво формируют свое вероучение, то у духоборцев оно было развито весьма подробно. Правда, стоит отметить, что сейчас молокане с легкостью формулируют свою примитивную богословскую концепцию, а духоборцы предпочитают зачитывать вслух своеобразный катехизис, составленный для полемики с православными еще в прошлом веке. Отрицая Библию, как написанную людьми, куда «попы внесли множество выгодных им исправлений и добавлений», духоборцы сформировали свой канон — «Животную книгу» — сборник псалмов и стихов, содержащих все их вероучение. До начала века этот сборник существовал в устном предании, а в начале века был издан известным большевистским деятелем, соратником В. Ульянова В. Д. Бонч-Бруевичем, до революции известного как виднейший специалист по духоборцам¹². Духоборцы, в принципе, признают троичность Бога, но трактуют это аллегорически, называют Св. Троицу Светом, Животом, Покоем, отрицая Личности Св. Троицы. Троица для них — непостижимое Нечто, которое нельзя назвать «существом», или, тем более, определить Его природу. Духоборцы считают, что в человеке Бог отражается как Память, Разум, Воля. Отсюда понятие «церковь» для них приемлемо только как душа человека, которая является по трем своим качествам подобной Богу. Духоборцам характерен своеобразный пантеизм. Они считают, что Бог растворяет Себя во всем Своем творении, а храмом его является человек. Иисуса Христа духоборцы называют Посланником Высшего Разума, пророком, как и их вожди, Сыном Божиим в том смысле, что все люди дети Божии. Главная ценность для духоборца — его личная вера, отношения между каждым человеком и Богом. Свят каждый человек и каждый человек — Сын Божий. Молитва возможна лишь как диалог, поэтому у них нет и храмов и обрядов. Свадьба и похороны для духоборцев скорее традиции, напутствие, но не таинства. Крайний индивидуализм духоборческого вероисповедания делает невозможным само понятие церковной иерархии, поскольку все это суетное и мирское. Для духоборцев было характерно стремление к единой организации с признанным лидером. Сейчас от этой традиции у российских духоборцев осталась лишь компактное проживание. Как и для молокан, духоборцы предпочитают коллективное ведение хозяйства и широко практикуют безвозмездную взаимопомощь. В отличие от молокан, не имеющих святых, духоборцы сохранили ряд «святых мест», связанных с жизнью их последней главы — Лукерьи Калмыковой. Для духоборцев характерна своеобразная смесь крайнего религиозного ин-

дивидуализма с наличием понятия главы движения, что, впрочем, лишь дополняет друг друга.

Молокан и духоборцев исторически объединяют многочисленные переселения. Примерно в 1-й половине XIX в. и духоборцы и молокане стали покидать Тамбовщину и переселяться. Духоборцы с дозволения Александра I¹³ переселились в Крым, потом были переселены на Кавказ, а молокане сразу стали перебираться на Кавказ, частью сами, а частью власти их отправляли в ссылку. Но в отличие от многочисленных молокан, расселившихся довольно разбросано, все духоборцы, из-за большего осознания своей общности и согласно воле лидера, поселились компактно, в Грузии, и место их поселения получило название «Духобория». Там, в отличие от России, молокане и духоборцы оказались в абсолютно индифферентном к вере окружении и, к тому же, главным средством русской крестьянской колонизации Кавказа, что обеспечило благожелательное отношение властей. И действительно, до революции под понятием русских, оседло живущих в этом регионе, традиционно подразумевали молокан и духоборцев, бывших почти единственными русскими крестьянами в регионе.

В годы советской власти духоборцы и молокане, как и все религиозные группы, подверглись гонениям и репрессиям. В лагерях была уничтожена наиболее инициативная часть верующих. Но никаких массовых депортаций не совершалось, раскулачивание их коснулось по касательной, и хозяйства духоборцев и молокан оставались наиболее сильными в регионе. Отчасти это было вызвано изначальным коллективным началом в их вероучении и системе хозяйствования. С другой стороны, они настолько свыклись с постоянным недоброжелательством властей, что постоянная конспирация своих убеждений стало частью образа жизни молокан и духоборцев. Правда, молокане, из-за своих традиционно менее драматичных отношений с властями и большей численности не избегали регистрации, даже в 20-е гг. XX в. организовывали свои молоканские колхозы. Духоборцы же никогда не регистрировались, и официально считалось, что все духоборцы эмигрировали в Канаду еще в прошлом веке.

Но, связанное с коллективизацией, введением всеобщего начального светского образования, проникновением секулярной культуры в замкнутый мирок молокан и духоборцев, нарушение традиционного уклада жизни способствовало разрушению их мировоззрения и, зачастую, превращению веры для многих в аналог некой старой доброй традиции без религиозного содержания. Однако сохранение общинной замкнутости во многом способствовало убеждению многих молоканских и духоборческих лидеров, даже в канун перестройки, что именно им удалось сохранить подлинные традиции и истинную веру, духовно возродить всю Россию.

После распада СССР молокане и духоборцы внешне для себя оказались в условиях, о которых, с одной стороны, давно мечтали, а с другой, не ожидали их. Свобода вероисповедания совпала с резким обострением этнических противоречий в регионе и началом определенного притеснения со сто-

роны властей на националистической почве. При этом примечательно то, что в целом благожелательное отношение среди коренного населения осталось неизменным и до сих пор. После возникновения неблагоприятной обстановки, духоборцы и молокане значительной своей частью переселились в центральные области Российской Федерации. Появление новых условий религиозной жизни вызвало у молокан и духоборцев желание как-то организоваться и укрепить свое движение. Они были выжаты из привычных ареалов обитания в южные области России, многие расселились по городам, что ни для молокан, ни тем паче для духоборцев характерно не было. Духоборцам удалось организовать собственное компактное поселение в Тульской области. Разрушение общинной замкнутости, отсутствие умения приспособляться к быстро меняющимся обстоятельствам, ориентация на прежнюю замкнутость и самодостаточность общин, что прекрасно обеспечивало их естественный прирост, привело к тому, что молодежи среди молокан практически нет. Лишь в последнее время среди молокан стали открываться немногочисленные воскресные школы, а духоборцы стали преподавать в школах свое вероучение. Правда, сему противился ряд молоканских старцев, воспитанных в старых традициях, и потому считавших, что веру надо преподавать по старинке, не задумываясь о новых реалиях жизни. Появление новых реалий жизни сделало объединение верующих делом жизненно необходимым.

Инициатором объединения духоборцев стали верующие из Ростовской области, от имени которых выступил некий Ю. Крыжановский, человек далекий от какой-либо веры. При этом неформальным лидером духоборцев был Василий Михайлович Чуцков, поддерживавший связи с канадскими духоборцами. Инициативу Крыжановского поддержал Чуцков и другой лидер духоборцев, нынешний их глава, Алексей Михайлович Кинякин. Крыжановский собрал в июле 1991 г. почему-то II-й съезд духоборцев России, который сразу стал напоминать, по рассказам участников, какое-то партсобрание. Выступали главы администраций, представители союзных министерств. Обсуждением собственно духоборческих проблем съезд не занимался. Единственным его достижением стало то, что по инициативе Чуцкова и Кинякина, был избран Совет духоборцев из 15-ти самых авторитетных. Крыжановский в состав не вошел. Съезд принял несколько декларативных заявлений и завершился, не решив множества серьезнейших проблем. Также был избран исполком для координации переселения духоборцев, но реальной работой он не прославился. Представители закавказских духоборцев уехали готовиться к празднованию 150-летия переселения духоборцев на Кавказ. Тем временем г-н Крыжановский, провозгласив себя “почетным председателем” Совета, получил на Совет кредит в 9 млн. неденоминированных рублей, присвоив попутно и деньги от канадских духоборцев. Лидеры Духобории, прослышав об этом, отправили Крыжановскому гневное письмо, но ответа так и не дождались. В дальнейшем, спасаясь от уголовного преследования, Крыжанов-

ский вернул часть кредита, обесцененного инфляцией, государству. В марте-апреле 1992 г. духоборцы провели в с. Архангельском Тульской обл., которое стало центром их переселения, чрезвычайный съезд, на котором избавились от Крыжановского. Чрезвычайный съезд оказался значительно более представительным, занялся преобразованием руководящих органов и сформировал ту структуру, которая действует сейчас. Однако Крыжановский попытался созвать свой съезд в Пятигорске. Делегаты-духоборцы решили считать его просто встречей соратников. На этой афере его контакты с духоборцами прекратились. Крыжановский в дальнейшем решил заработать на кавказских кришнаитах, перешел в их веру и через полгода умер.

Лидеры молокан осознавали гибельность начавшихся в общине процессов для движения, и потому стремились к организации руководящих органов, централизации и созданию представительства перед государственными органами, что для молокан характерно никогда не было. В 1990 г. пресвитер свежееобразовавшейся московской общины И. Г. Александров возродил молоканский журнал “Духовный христианин” и в следующем, 1991 г., начал подготовку к учредительному съезду. В разных регионах страны стали создаваться региональные союзы общин, или комитеты молокан и духоборцев-молокан данного региона во главе со страшим пресвитером или председателем. Оргкомитет начал выпускать листок “Весть”, где подробно рассказывалось о подготовке к съезду. Незадолго до него, в качестве опыта, была создана ассоциация “Община”, ставившая перед собой целью экономическое возрождение молоканства.

Сам съезд состоялся в июне 1991 г., на нем были делегаты из 60 общин, но на самом деле в Союз общин молокан и духоборцев-молокан вошло лишь 40 из них. Союз был объявлен открытым и для максимистов, но на деле в него вошли лишь постоянные молокане. Старшим пресвитером был избран И. Александров. Главными задачами Союза стали решение переселенческого вопроса и изыскание средств. На второе дело была брошена ассоциация “Община” — она должна была объединить молоканские совхозы и колхозы, но на деле из этой затеи ничего не вышло. Установка Александрова на хозяйственную деятельность чуть было не привела к мгновенному расколу движения из-за молоканских традиций четко разделять хозяйственную сферу жизни с духовной. Для многих молоканских пресвитеров страх оказаться заподозренными в корысти оказался сильнее насущной необходимости создания сильного объединения. Споры об этом продолжаются среди молокан и поныне. Молокане решили все свои материальные проблемы доверить И. Александрову, который сразу был заподозрен в финансовых махинациях с пожертвованиями молокан из США. С другой стороны, при формальном единстве большинство общин не признавало лидерства Александрова, поскольку наличие лидера во многом противоречит молоканским традициям. Осенью того же года И. Александров отошел от пресвитерства и занялся лишь оргработой в Союзе.

В 1993 г. этот Союз фактически распался — было проведено два съезда — в с. Кочубеевка Ставропольского р-на сторонниками старшего пресвитера Т. Щетинкина, и в Москве — сторонниками И. Александрова. Но Александрова поддержки от региональных общин не получил, и в 1994 г. фактически отошел от дел. Сейчас на него хотят подать в суд за растрату. Сразу же распалась и московская община. Хотя Союз и был два раза перерегистрирован — в 1994 и 1999 гг., но прежнего единства уже нет. Последний съезд состоялся в августе 1997 г. в Тамбове и был созван лидерами местных общин. Съезд был фактически проигнорирован рядом общин, тяготеющих к Т. Щетинкину, и никакого влияния не оказал. Единственным серьезным обсуждавшимся на нем вопросом было религиозное воспитание молодежи.

Сейчас численность духоборцев и молокан быстро сокращается. Прежде всего из-за отсутствия естественного прироста и постепенной потери традиции. Молокане постепенно отказываются от установленного еще Семеном Уклеиним порядка молитвенных собраний, духоборцы забывают свои псалмы и символы. Но при этом живая религиозная жизнь не прекращается, можно сказать, что вероучение трансформируется, в какой-то степени упрощается через отказ от устаревших форм проявления религиозности, таких как старинная одежда, одеваемая на собраниях, особые полотенца, развешиваемые духоборцами в помещениях, где происходят собрания. Безусловно, одной из причин этого процесса стала стремительное изменение привычного уклада жизни, столкновение с современной масс культурой, к которому ни молокане, ни духоборцы готовы не были. Это один из важнейших факторов, но не единственный. Причина появилась задолго до нынешнего времени. То, что основную массу молокан и духоборцев в России составляют приверженцы старых традиций, привело к консервации форм и установок религиозной жизни еще в конце прошлого века, против чего протестовали и максимисты, и последователи П. Веригина. Отделение радикалов способствовало консервации средневековых форм религиозности, которые уже не могли удовлетворять всем потребностям верующих. Отсюда и утрата устной традиции, потеря интереса к молитвенным собраниям и все больший упор на личный молитвенный диалог. Молокане, в силу большей простоты своего вероучения, сохраняют большую сплоченность как единая религиозная группа, а духоборцы, остро нуждающиеся в переосмыслении своей богословской концепции больше похожи на колхоз единоверцев. Неудивительно, что сейчас для духоборцев в вероисповедании огромную роль стала играть сакрализация бытовых взаимоотношений и уделение большого внимания взаимопомощи, к чему зачастую они сводят всю историю.

Молокане осознают кризисность ситуации, активно ищут из нее выход, и, несмотря на все неприятности, ищут объединения. Простота вероучения, наличие непререкаемого авторитета Св. Писания, подсознательный крестьянский коллективизм и безболезненный отказ от устаревших традиций

позволяют говорить о постепенной и мягкой трансформации их вероучения в сторону, близкую к евангелизму. С духоборцами ситуация сложнее. Многие из них спокойно соглашались с тезисом о затухании духоборческого движения, постепенной его ассимиляции коренным русским населением. Причина кроется не только в их индивидуализме, консервированном вероучении, но и в осознании непрерывности “истинного христианства” — мы уйдем, придут другие. При этом духоборцы почти сознательно практически ничего не делают для привлечения молодежи в общины. Да, детей обучают тем основам веры, которые помнят сами взрослые. Но большинство азов, которые предыдущие поколения понимали как основание вероучения, сейчас забываются, да и духоборцы считают, что человека нельзя привлечь к Богу насильно.

Проблема молодежи не единственная для молокан и духоборцев. Одна из черт современной религиозной жизни — низкая посещаемость молитвенных собраний. Отчасти это можно объяснить, особенно для духоборцев, устаревшим и неактуальным порядком их проведения. В отличие от молокан, у духоборцев нет авторитета, за который они могли бы уцепиться в кризисный период, ведь сборник стихов и псалмов всего лишь вероучительная книга, но не предмет Божественного откровения как Библия. Во время богослужения у духоборцев нет ни обсуждения, ни толкования вероучения.

Поэтому у духоборцев и молокан кризис вызван не только изменением условий жизни, но и отсутствием эволюции вероисповедания. По сути можно сказать, что в нынешнем виде духоборцы обречены на эволюцию, на формирование нового вероучения. Традиции выбора вождя у духоборцев не было, а у молокан вождей не было вовсе, их отдаленным аналогом были пресвитеры, которые занимались прежде всего толкованием Библии. Духоборческие вожди, кроме вероучительной функции, были еще и мирскими главами компактных духоборческих поселений. Традиция совместного хозяйствования осталась, но вождя духоборцы, не привыкшие уже чтобы какой-либо авторитет определял их духовную жизнь, уже не выберут. Получается замкнутый круг — все вероучение духоборцев крутится вокруг идеи вождя, но его наличие сейчас невозможно, поэтому невозможен и скорый пересмотр вероучения, которое постепенно отмирает. Они все большее значение придают личному религиозному опыту, постепенно отказываясь от общественной молитвенной практики. Неопределенность богословской концепции, отсутствие лидера привели к абсолютному развалу всех духоборческих централизованных организаций — их существование оказалось неоправданным. Единство духоборцев поддерживает исключительно память об общем происхождении и компактное проживание.

Будущее духоборцев и молокан напрямую зависит от готовности верующих и их лидеров пересмотреть свое вероучение и приспособить его к нуждам современной жизни. Духоборцы ищут выхода в сохранении формальной застывшей традиции, которую они по вышеназванным причинам не смогут

сохранить и не могут переосмыслить и реформировать, что рождает дух упадничества в их рядах. Индивидуализм религиозного мировоззрения духоборцев делает невозможным создание более или менее жесткой структуры объединения, которое могло бы заняться сохранением традиции. Все большее замыкание духоборческих верующих в своем внутреннем мире ведет к отмиранию совместного проявления религиозности и сокращению их и без того малой численности. Молокане же, сохранив большую мобильность своего вероучения, постепенно начинают приспосабливаться к условиям современной жизни, отказываются от устаревших форм и традиций, формируя новое вероучение. Главная проблема, стоящая перед современными духовными христианами — осознание уникальности сути своего вероучения и наполнение новым религиозным содержанием их устаревших традиций без отказа от основ вероучения. Как духоборцы и молокане приспособят свой уклад сельских общин к современному образу жизни урбанизированного общества и определит их дальнейшую судьбу. То, что духоборцы и молокане сохранились до наших дней, при свойственном им равнодушию к миру, переселении из Закавказья, поражающими исследователя однообразии и простоте вероучения, объясняется, наверное, по словам лидера духоборцев А. М. Киня-

кина, жизнелюбивым традиционным русским крестьянским сознанием, которое они, несмотря на все перипетии сохранили до сего дня.

Примечания

- ¹ Подробнее о жидовствующих см.: Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991, Т.1. С. 489-506.
- ² Иникова С. А. Русские секты // Русские. М., 1997. С. 725.
- ³ Там же. С. 726.
- ⁴ Зеньковский С. Русское старообрядчество. М., 1995. С. 486; Иникова С. А. Указ. соч. С. 724.
- ⁵ Там же. С. 726.
- ⁶ Здесь и далее излагаемый материал основывается на интервью, взятых у молокан и духоборцев.
- ⁷ Попов И. А. Рассказы из истории духоборцев. Екатеринбург, 1997. С. 15.
- ⁸ Попов И. А. Указ. соч. С. 20-22.
- ⁹ Иникова С. А. Указ. соч., С. 739; Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М., 1965. С. 39.
- ¹⁰ Иникова С. А. Современное духоборчество // Традиционные российские верования. М., 1995. С. 117-118
- ¹¹ Иникова С. А. Русские. С. 726.
- ¹² Бонч-Бруевич В. Д. Животная книга. СПб., 1905; Бонч-Бруевич В. Д. Из мира сектантов. М., 1922; Бонч-Бруевич В. Д. Духоборцы в канадских прериях. Пг., 1918.
- ¹³ Иникова С. А. Русские... С. 732.

■ Статья поступила в редакцию 25 ноября 1999 года.